

В. И. ДАШИЧЕВ

НОВОЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ. 1986–1991

В годы перестройки для проведения внутренних реформ было крайне необходимо создать для них благоприятную внешнеполитическую обстановку. Да и сама внешнеполитическая сфера нуждалась в коренных преобразованиях. Нельзя было жить и проводить реформы в состоянии "равновесия ядерного страха", в условиях конфронтации с коалицией западных держав во главе с США, под тяжелым прессом гонки вооружений, давившим на советскую экономику. Поэтому необходимо было нащупать новый модус вивенди в отношениях с Западом и найти взаимопонимание в преодолении "холодной войны". Добиться этого нужно было не только в интересах создания благоприятных условий для перестройки. Прекращение конфронтации и поворот к мирному сотрудничеству со странами Запада имели и чрезвычайно важное общечеловеческое измерение – избавление международного сообщества от страха перед возможностью ядерного апокалипсиса, преодоление опасного раскола человечества на две враждующие глобальные коалиции. После кубинского кризиса 1962 г. президент США Дж. Кеннеди заявил: "Или человечество покончит с войной, или война покончит с человечеством".

Для советской политики было важно определить основные звенья возможного сбалансирования интересов между Западом и Востоком. Стало очевидно, что требовалось произвести во внешней политике основательную переоценку ценностей, в первую очередь пересмотреть устаревшую и чрезвычайно опасную в ядерный век концепцию классовой борьбы на международной арене, отказаться от экспансионистской политики коммунистического мессианства и от "доктрины Брежнева", оправдывавшей вмешательство Советского Союза, в том числе военной силой, в суверенные дела стран СЭВ под предлогом защиты в них социализма.

Одним из важнейших факторов в развитии конфронтации Восток–Запад являлся германский вопрос. Именно через расколотую надвое Германию проходил передний край противостояния НАТО и ОВД. Пока существовал этот раскол, преодоление "холодной войны" представлялось немыслимым. Поэтому германский вопрос превратился во второй половине 80-х годов в центральный объект переговоров между СССР и западными державами в поисках взаимоприемлемого компромисса. От этого во многом зависело успешное продвижение Советского Союза по пути реформ.

В то время ключ от германского единства находился в Москве. Но как надо было воспользоваться им? Держать дверь к единству Германии на запоре? Или создать условия для сближения и сотрудничества двух германских государств? Или пойти еще дальше – принять конфедеративное устройство двух частей Германии? Согласиться на слияние (аншлюс) ГДР с ФРГ на основе параграфа 23 Основного закона ФРГ? Каков должен быть международный статус объединенной Германии – внеблоковый, нейтральный или в составе НАТО? Таков был далеко не полный перечень чрезвычайно острых вопросов, непосредственно затрагивавших судьбу немецкого народа, двух германских государств, а также интересы и безопасность Советского Союза, стран ОВД и Запада.

Как эти вопросы решались в острой дипломатической борьбе, в которую были вовлечены почти все страны Европы и исход которой зависел в первую очередь от Советского Союза и США, попытался раскрыть М.С. Горбачев в книге "Как это было"¹. В ней представлено личное видение Горбачевым политической и дипломатической борьбы вокруг проблем объединения Германии. В конце 2006 г. эта книга была удачно дополнена интересным и важным с научной и политической точек зрения сборником документов, касающихся политики Горбачева в германском вопросе в период 1986–1991 гг.² Его составители А.С. Черняев и А.А. Галкин собрали в нем уникальные архивные записи не только переговоров Горбачева с ключевыми государственными деятелями стран НАТО и ОВД, но и заседаний Политбюро ЦК КПСС по германскому вопросу. Здесь же представлены записи бесед внешнеполитических помощников Горбачева с западными политиками. С западногерманской стороны в переговорах участвовали Г. Коль, Р. фон Вайцзеккер, Г.-Д. Геншер, Ф.-И. Штраус, Й. Рау, В. Бранд, Э. Бар, Л. Шпэт, Х.-И. Фогель и др. От союзников ФРГ по НАТО – Дж. Буш, М. Тэтчер, Ф. Миттеран, Дж. Андреотти, Дж. Бейкер и др., от социалистических государств – Э. Хонеккер, В. Ярузельский, Х. Модров, А. Дубчек и др. Все эти государственные деятели были в той или иной степени сопричастны к решению судьбы немецкого народа, а, следовательно, и Европы.

В сборнике документов наглядно показана эволюция взглядов Горбачева по германскому вопросу. В предисловии к сборнику его составители справедливо указывали: «Правильно понять и оценить политику Горбачева в германском вопросе можно только в том случае, если вписать ее в более общий контекст: оценку им мировой ситуации, решительный выбор в пользу прекращения "холодной войны", приведшей человечество на грань самоуничтожения, развития событий в Советском Союзе. Решение германского вопроса призвано было стать фактором демонтажа фронтального противостояния систем» (с. XIV).

Было бы неверно думать, что Горбачев с самого начала перестройки был за воссоединение Германии. В беседе с министром иностранных дел Геншером 21 июля 1986 г. он говорил: "Мы исходим из того, что нарушение сложившейся политической и территориальной структуры в Европе привело бы только к хаосу и ухудшению обстановки" (с. 15). В беседе с председателем Совета министров Италии Дж. Андреотти 29 ноября 1989 г. он сказал: "воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос" (с. 284), на что Андреотти ответил: "Это абсолютно верно". Аналогичных взглядов, как свидетельствуют приведенные в книге записи, придерживались английский премьер-министр Тэтчер и французский президент Миттеран.

Провал режима Хонеккера, последующее неожиданное для всех падение Берлинской стены и тяжелый политический кризис, разразившийся в ГДР, коренным образом изменили политическую и стратегическую ситуацию в Центральной Европе. Перед советской внешней политикой возник коренной вопрос – как реагировать на развитие событий, вырвавшихся из-под контроля? Консервативные круги советского политического и военного истеблишмента стояли за сохранение существующего статус-кво в Европе. Но под напором массового народного движения в ГДР под лозунгом "Мы единый народ" и "Мы за реформы" сохранять старые позиции по германскому вопросу оказалось невозможно. Горбачев правильно оценил причины падения власти в ГДР. В той же беседе с Андреотти он заявил: "Руководство ГДР на протяжении многих лет держало общество в состоянии мобилизации из-за противостояния с ФРГ. И это тоже сработало. Когда у нас начались перемены, им надо было делать то же самое: открыть возможности для того, чтобы люди могли реализовать себя, находить более адекватные времени формы, в том числе что касается связей с ФРГ. Но Хонеккер считал себя хранителем священного огня. А то, что делали другие, рассматривал чуть ли не как предательство, сдачу позиций

¹ Мои размышления по поводу этой книги я изложил в статье "О том, как это было". – Свободная мысль – XXI век, 2000, № 2, с. 52–67.

² Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986–1991. М., 2006, 670 с.

под давлением Запада. Общественное мнение требовало перемен, а политическое руководство не реагировало" (с. 266). Действительно, негибкая, догматическая позиция Хонеккера, игнорировавшего высокий накал страстей в массах, требовавших реформирования существовавшей социально-политической системы и решения национального немецкого вопроса, явилась одной из важных причин гибели ГДР.

Ход событий властно требовал от советского руководства принятия неординарных решений по германскому вопросу. Но как это можно было совместить с упомянутыми выше тезисами сторонников сохранения статус-кво? С инерцией советского общественного мнения, привыкшего к существованию двух Германий? Для решения всех этих вопросов 26 января 1990 г. в кабинете Горбачева было проведено важное совещание в узком составе. В нем участвовали председатель Совета министров Н.И. Рыжков, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, председатель КГБ В.А. Крючков, начальник Генерального штаба С.Ф. Ахромеев, помощники Горбачева А.С. Черняев и Г.Х. Шахназаров, заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин и др.

Горбачев охарактеризовал всю серьезность ситуации: "Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можем с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий. Даже Модров (премьер-министр ГДР с ноября 1989 г. по март 1990 г. – В.Д.) отваливает из СЕПГ. Неважно, что он искренний наш друг. Нет реальных сил в ГДР" (с. 307).

Дальнейший план действий представлялся Горбачеву так: «Я бы поставил на то, чтобы выиграть возможно больше времени. Самое главное сейчас – растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и в СССР... Идея выиграть время отвечает предложению о "договорном сообществе" с конфедеративными чертами» (с. 310–311).

А.С. Черняев выдвинул идею не пускать все на самотек, а начать переговоры по схеме 2 плюс 4, т.е. в составе двух германских государств, СССР, США, Франции и Англии. Эта идея получила впоследствии поддержку всех заинтересованных сторон. Свое отношение к этим переговорам Горбачев выразил так: "Главное, на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска. А они долго еще этого не сделают. И Колю придется с этим считаться" (с. 308).

Интересны высказывания других участников этого совещания:

Рыжков: "Сохранить ГДР – дело нереальное. Конфедерация – да. Но мы должны выдвинуть условия для конфедерации. Неправильно отдавать все Колю. Если будет так, то Германия через 20–30 лет развяжет третью мировую войну".

Шеварднадзе: «Для Коля сейчас главный вопрос – о "договорном сообществе", которое ведет к конфедерации ФРГ – ГДР. Нам не надо включаться в дискуссию о воссоединении. Не наше это дело. Пусть ГДР выступает с инициативами... Я против "института", в котором будут четыре победителя. Это значит, что натовцы там будут хозяевами положения».

Крючков: "Дни СЕПГ сочтены. Это не рычаг и не опора для нас... Стоит обратить внимание на СДП ГДР. Наш народ боится, что Германия опять станет угрозой. Она никогда не согласится с нынешними границами. Постепенно надо начинать приучать наш народ к воссоединению" (с. 308–309).

Из этого видно, что имел место большой разброс мнений, как подходить к решению германского вопроса. Но все сходились на одном – дни ГДР сочтены. На совещании прозвучали очень тревожные слова Горбачева: "Был Брестский мир № 1, теперь мы в ситуации Брестского мира № 2. Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны. Очень важно это понимать" (там же). Эти слова оказались пророческими, но только с одной существенной оговоркой. Не руководство НАТО, а Ельцин и его окружение вынесли смертельный приговор СССР и позволили "отхватить" от него почти половину его территории.

Совещание "в верхах" у Горбачева поставило в повестку дня советской политики растянутое по времени создание конфедерации двух германских государств, недопущение

включения объединенной Германии в состав НАТО и подготовку общественного мнения в СССР и на Западе к возможному германскому единству. 30 января 1990 г. в беседе с Х. Модровым Горбачев изложил концепцию создания германской конфедерации: "Что касается Советского Союза, то мы понимаем потребности немецкого народа в ФРГ и ГДР в углублении общения, его стремление к сотрудничеству и взаимодействию. Думаю, вы в ваших предложениях правильно намечаете этапы. Очевидно, сейчас надо настраиваться на заключение договора о сотрудничестве и добрососедстве с элементами конфедерации... Следующий этап – переход к конфедеративным структурам и в отдаленной перспективе – к срастанию двух государств в единое" (с. 320).

Главным камнем преткновения на пути воссоединения Германии стал с января по май 1990 г. вопрос о ее международном статусе – быть ей в составе НАТО или нейтральной, внеблоковой. Здесь позиции Советского Союза и США – главных субъектов на переговорах 2 плюс 4 – сильно разошлись. Вашингтон стремился во что бы то ни стало сохранить НАТО. Этот альянс служил (и до сего времени служит) основным инструментом господства США в Европе. А без Германии он практически терял свой вес в европейских делах. Это противоречило трем главным принципам европейской политики США, принятыми в годы "холодной войны": "держать американцев в Европе, держать немцев в узде, держать русских вне Европы". Эти принципы остаются для США в силе до сегодняшнего дня. Горбачев в беседе с Тэтчер 8 июня 1990 г. так оценил позицию США в вопросе о членстве Германии в НАТО: "Я понимаю, почему Президент Буш держится за НАТО – ведь без этого союза отпадает необходимость в американском военном присутствии в Европе, и, соответственно, существенно уменьшится политическое влияние США на континенте. Поэтому они за то, чтобы Германия была в НАТО. Им кажется, что без Германии НАТО неполноценна, а нет НАТО – нет американского присутствия в Европе" (с. 478).

Что касается членства Германии в НАТО, то Горбачев не мог не учитывать интересы национальной безопасности Советского Союза и позицию Министерства обороны, Генерального штаба, а также общественного мнения страны. В беседе с Модровым 30 января 1990 г. он заявил: "Самый главный вопрос – военный нейтралитет ГДР и ФРГ. Это требует обдумывания в конкретном плане. Но одно несомненно и очень важно – этот процесс должен идти с двух сторон. Если будет разрушена военно-политическая структура на Востоке, то создастся резкий перекося в балансе сил, что, конечно, не может не вызвать общую обеспокоенность всех европейцев. Вопрос ставится не вообще о нейтралитете, а о военном нейтралитете как этапе" (с. 321). Классическим решением, по мнению Горбачева, был бы роспуск обоих блоков. Тогда можно было бы жить в условиях существования новых структур безопасности (с. 434).

Для выхода из тупиковой ситуации министр иностранных дел ФРГ Геншер предложил свой компромиссный план, суть которого изложил в двух выступлениях 6 и 31 января 1990 г. Он, в частности, заявил: "НАТО следует однозначно объявить: Что бы не произошло с Варшавским пактом, расширение территории НАТО на Восток, т.е. ближе к границам Советского Союза, не будет. Представления, что часть Германии, составляющая ныне ГДР, будет включена в военные структуры НАТО, заблокирует германо-германское сближение"³. Поэтому, заключал он, "мы должны теперь по возможности стремиться к тому, чтобы путем создания совместных структур безопасности покончить с военной конфронтацией после того как все более и более устраниются лежащие в ее основе политические противоречия. Необходимо решительно стремиться к тому, чтобы создать общеевропейский мирный порядок"⁴.

"План Геншера" учитывал интересы безопасности Советского Союза и был на худой конец приемлем для него. 21 февраля 1990 г. Горбачев сделал заявление для "Правды", в котором, в частности, говорилось: "Процесс объединения Германии органически свя-

³ Genscher H.-D. Erinnerungen. Berlin, 1995, S. 709–715.

⁴ Ibid., S. 712.

зан и должен быть синхронизирован с общеевропейским процессом, с его стержневой линией – формированием принципиально новой структуры европейской безопасности, которая придет на смену блоковой" (с. 373). Он считал необходимым, чтобы характер и сущность принципиально нового мирного порядка в Европе были зафиксированы документально в договоре между сторонами (с. 416). Эти высказывания Горбачева были близки "плану Геншера". Но они шли вразрез с целями европейской и глобальной политики США. В беседе с Миттераном 25 мая 1990 г. Горбачёв прямо заявил об этом: "То, с какой настойчивостью американцы отстаивают тезис о необходимости и полезности НАТО, заставляет меня задаться вопросом: не думают ли США таким образом создать какой-то механизм, институт, своего рода директорию по управлению мировыми делами?" (с. 457–458). Надо было, следовательно, исходить из того, что никакого компромисса с правящей элитой США в вопросе о членстве Германии в НАТО добиться не удастся. Единственной словесной уступкой Буша было его обещание в разговоре с Горбачевым не продвигать сферу действий НАТО на Восток дальше западной границы ГДР.

Что же в этой ситуации можно было предпринять? Заблокировать воссоединение Германии силой и тем самым продлить "холодную войну" со всеми её тяжелыми последствиями для Советского Союза и народов Европы? Или согласиться на включение объединенной Германии в НАТО? 4 мая 1990 г. Черняев в докладной записке Горбачеву наметил такой путь для решения вопроса: «Совершенно очевидно, что Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет... Но если мы сейчас будем "железно стоять", потом это будет выглядеть крупной уступкой, отступлением... Рассуждения насчет того, что в результате объединения, а потом и возможного присоединения Польши к НАТО границы блока пододвинулись бы к советским границам, – это из вчерашнего дня, это стратегия времен Второй мировой войны и "холодной войны", когда наша собственная безопасность измерялась не только в военном плане, но и в социально-политическом – через содружество. И будут ли бронетранспортеры и гаубицы бундесвера стоять на Одере – Нейссе, или на Эльбе, или где-нибудь еще, ситуации в мировой военной стратегии это не меняет. Эта ситуация определяется ядерным балансом СССР и США. Неважно, будет ли он сокращен на 50%, 80% или 90%, но он останется балансом. Даже более того: безопасность связана с принципом неприемлемости возмездия». И Черняев заключал: "Зачем нам сейчас, в такой сложный момент перестройки, осложнять отношения с Западом, вызывать дополнительные подозрения и спекуляции?" (с. 424).

Конечно, Советский Союз, располагавший тогда мощным ракетно-ядерным потенциалом сдерживания, будучи самодостаточным в решающих сферах жизнедеятельности, мог вполне самостоятельно, без стран Варшавского Договора надежно обеспечить свою национальную безопасность и продолжать реформы.

Горбачев воспринял это мнение о включении объединенной Германии в НАТО. Путь к германскому единству был открыт. Но кто тогда мог предположить, что распад Советского Союза создаст в Европе качественно иную, благоприятную для интересов США геополитическую ситуацию? США, оставшись единственной сверхдержавой, прониклись одержимостью мирового господства. И свой главный удар они обрушили на Россию.

После мая 1990 г. процесс объединения двух германских государств в единое целое пошел быстрыми темпами. Он сопровождался подписанием десятка договоров о создании нового мирного порядка и сотрудничества в Европе после окончания "холодной войны". 12 сентября в итоге переговоров по формуле "2 плюс 4" между ФРГ, ГДР, Францией, Англией, СССР и США был подписан "Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии", 9 ноября между Германией и Советским Союзом был подписан "Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве", 19 ноября последовало Заявление 22 государств, принятое на саммите ОБСЕ в Париже. А венцом переговоров о создании новой Европы после объединения Германии и окончания конфронтации Восток – Запад явилась Парижская хартия, подписанная 22 странами Европы, США и Канадой 21 ноября. В её разработке принимал участие и Горбачев. В Хар-

тии торжественно провозглашалось: "Мы, главы государств и правительств стран-участниц Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе собрались в Париже во время глубоких перемен и исторических ожиданий. Эра конфронтации и раскола в Европе закончилась. Мы объявляем, что наши отношения в будущем будут основываться на уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от прошлого. Благодаря мужеству мужчин и женщин, воли народов и силе идей Заключительного акта Хельсинки в Европе наступает новая эра демократии, мира и единства... Настало время, когда веками лелеемые надежды и ожидания наших народов становятся явью. Это непоколебимая приверженность демократии, основанной на правах и основных свободах человека, благосостояние, достигаемое посредством экономической свободы и социальной справедливости, и равная безопасность для всех наших народов".

В Парижской хартии нашел отражение достигнутый в итоге длительных, драматических переговоров общеевропейский консенсус по вопросу создания качественно нового мирного порядка в Европе, основанного на горбачевской идее общеевропейского дома, на разоружении, одинаковой и равной безопасности для всех стран и общеевропейском сотрудничестве. Но, к сожалению, советской внешней политике так и не удалось добиться того, чтобы в хартии был зафиксирован принцип ликвидации блоковых структур в Европе, хотя в ней фигурировала основополагающая идея создания европейского единства. Этому воспрепятствовали США. Но что советская дипломатия могла сделать, но не сделала, так это настоять на внесении в Хартию положения о недопустимости расширения НАТО на Восток. Ведь Буш и германские политики выразили в беседах с Горбачевым свое согласие на это. Последствия этого большого упущения со стороны советской политики Россия остро ощущает ныне.

Таким образом, большая историческая заслуга в повороте Европы от войны к миру принадлежит советской внешней политике. Даже госсекретарь США Кондолиза Райс и Филип Зеликоу, написавшие совместно книгу "Звездный час дипломатии", отмечали: «Ирония истории состоит в том, что "холодная война" не могла быть закончена без фундаментального изменения советской политики. Еще долго будут спорить о том, почему Советский Союз начал новый курс и какую роль играли в этом Соединенные Штаты и другие страны. Но никто не сможет отрицать, что Михаилу Горбачеву и "новым мыслителям", пришедшим к власти в Москве в 1985 году, принадлежит выдающееся место в истории окончания холодной войны»⁵.

Как трагично, что ныне от принципов Парижской хартии в реальной жизни европейского сообщества не осталось и следа. Где единство Европы? Где ее разоружение? Где общеевропейское сотрудничество? Что случилось с общеевропейской безопасностью? Где принцип равной и одинаковой безопасности для всех государств Европы? Идеи Парижской хартии вступили в резкое противоречие с политикой глобального господства "мировой элиты" США и под её воздействием НАТО снова скатилась к "полу-холодной" войне против России. Идеи Хартии были преданы полному забвению.

В Парижской хартии особо подчеркивалось, что восстановление государственного единства Германии – это значительный вклад в создание долговременного и справедливого мирного порядка в объединенной, демократической Европе, которая должна осознать свою ответственность за поддержание стабильности, мира и сотрудничества на континенте.

⁵ Zelikow Ph., Condoleezza R. Sternstunde der Diplomatie. Die deutsche Einheit und das Ende der Spaltung Europas. Berlin, 1997, S. 28.